

УДК 32.01

А.П. Мельников

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ

Статья посвящена рассмотрению политической культуры Китая. Значительное внимание уделяется историческим и политическим детерминантам политической культуры, специфическим чертам национального характера китайского народа, их влиянию на политический менталитет. Основное внимание автор сосредоточивает на раскрытии особенностей политической культуры китайского общества.

Политическая культура в самом общем плане – это совокупность политических знаний, убеждений и принципов, проявляющихся в способах и результатах политической деятельности людей. Она демонстрирует, насколько человеком освоены общезначимые и признанные образцы политического мышления и поведения. Политическая культура любого социума своеобразна, она обладает неповторимой национальной спецификой, особенностями или чертами, которые характерны только для данного народа и истоки которых уходят в глубину веков, кроются в его истории, национальном характере, традициях, менталитете в целом.

Изучение политической культуры Китая неразрывно связано, прежде всего, с необходимостью её антропологического измерения, воспроизведения духовного аспекта культуры, восходящего к ценностно-смысловым и личностным политическим структурам, сформированным традиционной системой китайского мышления и концептуально представленным как «внутреннее». Поэтому для понимания политической культуры китайского общества необходимо хотя бы вкратце реконструировать систему традиционных ценностей, лежащую в ее основе. Это позволит соотнести ценностно-смысловые позиции самого познающего субъекта с изучаемой политической культурой в отношении «человек – политическая культура».

Анализ политической культуры Китая в политологическом аспекте в обобщённом виде представляет её как определенный способ существования политической системы. Концепция политической культуры как бы «снимает» в интегрированном виде весь опыт существования, функционирования и развития политической сферы китайского общества. Политическая культура Китая предстаёт как объективированный процесс, который содержит сумму воздействий субъективных факторов с функционированием объективных властных механизмов и отношений, составляющих в итоге содержание политической системы китайского общества, характеризующееся выраженными процессами традиционализма и модернизма.

Что же представляет собой политическая система Китая? Вначале отметим, что Китай – самая большая по численности населения страна в мире и одна из древнейших цивилизаций, которая возникла более 5 тысяч лет тому назад.

Нынешнее государство – Китайская Народная Республика – была провозглашена 1 октября 1949 г. после победы Коммунистической партии Китая (КПК) в гражданской войне. Китай был объявлен государством народной демократии. КПК как руководящая сила общества установила новую систему власти – «демократическую диктатуру народа», целью которой являлось строительство социализма. Согласно поправкам к последней Конституции, принятой в 1982 г., в стране признано право граждан на частную собственность, а также провозглашены права человека.

Высшим органом государственной власти в КНР является Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП). Это однопалатное представительное собрание, члены которого избираются собраниями провинций и подразделениями вооружённых сил, которые, в свою очередь, избираются нижестоящими собраниями. Срок полномочий ВСНП, насчитывающего около 3 тысяч депутатов, 5 лет.

ВСНП вносит изменения в конституцию, контролирует её исполнение, принимает законы и вносит изменения в них, избирает председателя КНР и его заместителя, утверждает премьера Госсовета и по его представлению заместителей премьера, членов Госсовета и других высших сотрудников государственной администрации. ВСНП избирает председателя Центрального военного совета и утверждает его других членов, избирает также председателя Верховного народного суда, Генерального прокурора Верховной народной прокуратуры, рассматривает и утверждает планы экономического развития, государственный бюджет, решает вопросы войны и мира и др.

В перерывах между сессиями ВСНП его постоянно действующим рабочим органом является Постоянный комитет, состоящий из 150 человек. Конституция 1982 г. значительно повысила его роль, ныне он исполняет почти все функции громоздкого ВСНП. Как считают специалисты, это уникальный случай в послевоенной истории социалистических стран, когда Основной закон наделил полномочиями принимать общегосударственные законы не только высший представительный орган государственной власти, но и его Постоянный комитет – высший

коллегиальный орган государственной власти. Этому решению предшествовала длительная дискуссия в партийных, юридических и научных кругах [1, с. 226].

Функции главы государства в стране выполняет председатель КНР, избираемый сроком на 5 лет и имеющий право избираться на следующий срок, но не более чем на 2 срока. Согласно Конституции 1982 г., это церемониальная структура власти: председатель обязан подписывать законы, принятые ВСНП, назначать премьера, вице-премьеров, членов Государственного совета, послов в зарубежные страны. Он может издавать специальные декреты, вводить чрезвычайное положение, объявлять войну.

Высшим исполнительным органом власти в современном Китае является Государственный совет КНР, именуемый также Центральным народным правительством. Он формируется ВСНП и подчиняется ему, а также Постоянному комитету. В состав Госсовета входит премьер и его заместители, члены Госсовета, министры, председатели государственных комитетов и комиссий, генеральный ревизор и начальник секретариата. Постоянный комитет Госсовета состоит из премьера, его заместителей, членов Госсовета и ответственного секретаря. По мнению экспертов, китайское правительство не является структурой, уступающей по своему влиянию соответствующим партийным органам. Это происходит из-за пересекающегося членства в Политбюро ЦК КПК и Государственном совете.

В конце 70-х годов прошлого века руководство Китая, не отказываясь на словах от конечной цели – построения коммунизма, – разрабатывая и реализуя ближайшие планы, стало оперировать не социалистическими лозунгами, а прагматическими категориями. Высшими приоритетами государства и основной задачей Коммунистической партии были объявлены экономический рост и личное благосостояние граждан. Прагматическая фракция в КПК во главе с Дэн Сяопином приступила к осуществлению радикальных реформ в экономике с целью построения рыночного социализма, социалистических рыночных отношений. В декабре 1978 г. декабрьский пленум ЦК КПК принял стратегию четырёх модернизаций в области сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники с целью превращения Китая к началу XX в. в одну из ведущих держав мира. Акценты были сделаны на постепенное освобождение частной инициативы, ослабление государственного контроля над экономикой, повышение жизненного уровня населения. Была провозглашена политика «открытых дверей». Правительство предприняло значительные усилия по привлечению в страну иностранного капитала и современных технологий. Китайская экономика стала активно интегрироваться в мировую экономику.

На пути экономических реформ Китай добился огромных успехов. По объему ВВП он вышел на второе место в мире, обогнав Японию. Экономические реформы в КНР смогли в какой-то мере подтолкнуть общество к переосмыслению своей истории и бытия, к восприятию новых экономических и политических идей, к признанию совершенно незнакомых для императорского, гоминдановского и коммунистического времени Мао Цзэдуна Китая определённых общечеловеческих ценностей; именно они инициировали развитие демократических тенденций в стране.

Вместе с тем рыночные реформы в Китае не сопровождались серьёзными политическими преобразованиями, демократизацией общества и государства. К середине 1990-х годов выявилось отставание реформы политической системы от реформирования экономики [2, с. 72]. Более того, реформы сопровождались усилением политического контроля над обществом. Хотя в стране вроде бы существует многопартийность, однако союзнические демократические партии фактически не допускаются к реальным рычагам власти [3, с. 493–494]. Поощряя рыночное хозяйство, руководство КНР отвергает политический плюрализм. Руководитель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей У. Банго заявил, что «существующая разница между политическими системами Китая и «западных капиталистических стран» сохранится и в дальнейшем, и призвал депутатов сохранять «правильную политическую ориентацию». Китайская политическая система, по словам У. Банго, – это «многопартийное сотрудничество и политические консультации под руководством КПК, а не многопартийная система Запада. Коммунистическая партия – руководящее ядро, правящая партия, а другие демократические партии – лишь активные участники демократического процесса» [4, с. 53]. Тем самым У. Банго дал ответ тем, кто выступает за многопартийное поочерёдное правление, разделение властей, фракционную борьбу в парламенте и т.д. Руководящая роль 73-миллионной Коммунистической партии Китая остаётся незыблемой, хотя и предусматривается дальнейшая демократизация общественной жизни, активизация участия масс в политическом процессе [2, с. 76–77].

Таким образом, несмотря на все оговорки, в КНР идёт поиск духовно-политической надстройки, которая могла бы синхронно сочетаться с экономическими преобразованиями, процессами модернизации. Речь идёт по сути о дальнейшей реформе политической системы, а этот

процесс неразрывно связан с политической культурой общества. Политическая культура любого общества во многом детерминируется национальным характером, национальными традициями в политическом поведении, которые, сохраняя историческую непрерывность политического процесса той или иной социальной общности, формируют механизм наследования новыми поколениями наиболее устойчивых и специфических элементов культуры.

Отличительными особенностями национального характера китайцев является верность традициям и коллективизм. Коллективизм традиционен для Китая. Как отмечают многие исследователи, китайцы обычно связаны групповой ответственностью тех социальных образований, в которые они входят. Это прежде всего семья, школа, рабочая ячейка и община, интересы которых являются приоритетными. Это связывает во многом их инициативу, индивидуальные устремления, лишает социальной и территориальной мобильности. С точки зрения европейских традиций, некоторые рассматривают это как негатив, ограничение прав и свобод личности. «Если обратиться к культурно-мировоззренческим истокам подобных приоритетов, – пишет В.В. Анохина, – то станет очевидным, что отсутствие индивидуалистических ориентаций в традиционной китайской культуре, безусловный примат целого над частью, государства над индивидом, а также другие ценностные установки китайской традиции не способствуют формированию в национальном менталитете принципа уважения личности, её прав и свобод» [5, с. 50]. В общем и целом, объективно так оно и есть. Однако сами китайцы в силу своих традиций и особенностей менталитета, по-видимому, так не считают.

Отличительными особенностями национальной психологии, национального характера китайского народа являются прилежание, трудолюбие, дисциплинированность, вежливость. Как отмечает А. Пожидаева, «им трудно отказать в трудолюбии, добросовестности, терпении, скромности, беспристрастности, непритязательности и бережливости. Они кажутся гармоничными в отношениях друг с другом (хорошо работают в команде), а с иностранцами обычно вежливы и уступчивы [6, с. 76].

Для того, чтобы понять, почему для китайцев характерны названные черты менталитета, а следовательно, и особенности их политической культуры, следует рассмотреть некоторые истоки их мировоззрения, религиозно-философских учений. На формирование политических взглядов китайцев важнейшее влияние оказали четыре учения: даосизм, буддизм, легизм и конфуцианство. При этом центральное место аналитики отводят конфуцианству. Данный факт объясняется как сущностью, так и историей развития перечисленных учений.

Так, в основу *даосизма* положен принцип «дао», что означает «путь», закономерности развития природы, смысл жизненного пути человека, бытия и концепция «недействия», которая подразумевает «не ничего неделание», а гармоничное встраивание индивида в «дао». Иными словами, главная жизненная задача человека – это соблюдение меры вещей, «недеяние», трактуемое не как пассивность, а как такая деятельность, которая не нарушает гармонии природы и человека. Поскольку указанная концепция стремится минимизировать политическое действие, то даосизм в какой-то мере можно рассматривать как уход от политических реалий.

Буддизм как религиозно-философское учение, возникшее в Индии и получившее значительное распространение в Китае, тоже не мог не сказаться на политической культуре китайского общества. Его основное содержание – вера в перевоплощение душ и освобождение человека от земных страданий. Поскольку страдание зависит от определённых условий, оно может быть прекращено в случае, если будут устранены эти условия. Путь освобождения – нравственное совершенствование. Он предполагает достижение «правильной решимости», правдивой речи, доброго поведения и праведной жизни через честное добывание средств к существованию. Всё это просветляет ум и порождает спокойствие. Политический аспект в этом учении занимает минимальное место. Его значимость для политической культуры – в гуманистической направленности.

Полной противоположностью даосизму и буддизму является *легизм* (школа закона) – материалистическое, политико-ориентированное течение, легитимирующее абсолютную власть суверена, а также самые радикальные меры по её поддержанию. Особое значение в нем придавалось обузданию человеческой природы посредством жестоких законов и насильственного характера их воплощения по принципу «доброта и человечность – мать проступков». Сторонники этого учения постулировали изначальное зло человеческой природы, проявляющееся в стремлении к собственным интересам вопреки общественному благу. Единственный способ преодоления этого – насильственное установление тотального государственного контроля над личностью.

Отдельные элементы легизма были заимствованы *конфуцианством*. Конфуцианство можно рассматривать как некую золотую середину между даосизмом и буддизмом, с одной стороны, с их аполитизмом, и легизмом – с другой, с его склонностью к чёткому позитивизму и реальной

политике. С конфуцианством неразрывно связаны такие добродетели, как терпение, миролюбие и умение найти компромисс; предпочтение «золотой середины» во всём; неизменное благоговение перед предками, пожилыми и учёными людьми, а также зрелый гуманизм, ставящий человека в центр вселенной. Важнейшей добродетелью в конфуцианстве является «верность долгу». Любой «благородный муж», утверждал Конфуций (в его понимании «благородный муж» – это нравственно полноценный человек), должен в своем поведении руководствоваться чувством долга. Эта нравственная норма трактовалась конфуцианцами не просто как выполнение обязанностей, а значительно шире. «Благородный муж, – поучал Конфуций, – ко всему подходит в соответствии с долгом; совершает поступки, основываясь на ритуале, в словах скромнен, в поступках правдив» [7, с. 570]. Чувство долга тесно увязывалось конфуцианцами с честью, понимаемой как моральное право на уважение и общественное признание.

Центральным звеном политической доктрины конфуцианства выступает учение об идеальном государстве, целью которого является достижение гармонии во взаимоотношениях правителей и подданных и обеспечение такого социального порядка, где каждый должен жить в согласии с природой, а также с самим собой и другими людьми. Государство рассматривалось как механизм поддержания порядка и общения между людьми, регулирующий отношения между управляющими и управляемыми.

Конфуций развивал патерналистскую концепцию государства, которое трактуется им как большая семья. Власть императора уподобляется власти отца, а отношения правящих и подданных – семейным отношениям, где младшие зависят от старших. Изображаемая Конфуцием социально-политическая иерархия строится на принципе неравенства людей: «простолюдины», «низкие», «младшие» должны подчиняться «благородным мужам», «лучшим», «старшим». Призвание царя – накормить народ, обогатить и обучить его.

Будучи сторонником ненасильственных методов правления, Конфуций призывал правителей, чиновников и подданных строить свои взаимоотношения на началах добродетели, нравственности. Этот призыв прежде всего обращён к правящим, поскольку соблюдение ими требований добродетели играет решающую роль и предопределяет господство норм нравственности в поведении подданных. Впрочем, одной нравственности чиновников было мало для поддержания порядка и справедливости. Основу стабильности Конфуций видел в чёткой организации и формализации общественной деятельности, в том, чтобы каждый соблюдал свои обязанности и находился на отведённом ему месте. В свою очередь, основная добродетель подданных, по Конфуцию, состоит в преданности правителю, в послушании и почтительности к «старшим». Политическая этика Конфуция в целом направлена на достижение мира между верхами и низами общества и стабилизацию правления. Помимо чисто моральных факторов, он обращает внимание и на необходимость преодоления процессов поляризации богатства и бедности среди населения.

Конфуцианство отличается от легизма и даоизма значительным гуманизмом, что позволяет говорить о наличии в нём демократических черт. Гуманизм заключается не только в идее создания системы добродетельного консенсусного правления, но и в том, что Конфуций создал картину мира, избавленную от демонов и духов, поставив в центр её человека и тем самым, возвысил ценность человеческой личности.

Классическая китайская цивилизация в первоначальной форме уже давно исчерпала себя. Но конфуцианские ценности в морально-политической сфере, трансформируясь и модернизируясь, остаются традиционно прежними. Социальная гармония и личное благополучие достигаются в том числе соблюдением принципов конфуцианского общественного порядка. Целостность и могущество государства обеспечиваются моральным авторитетом властей и признанием его низами. Иными словами, конфуцианская традиция всегда искала гармонии в обществе и стремилась к усовершенствованию земной жизни политическими средствами. Конфуцианская этика создаёт прочные основы политической организации, поскольку выполнение социальных обязанностей здесь обретает высший смысл. Всё это, естественно, не могло не найти отражения в политической культуре китайского общества.

Сила традиций оказалась очень живучей. Об этом свидетельствует хотя бы то, что, несмотря на огромные усилия, направленные Коммунистической партией Китая на формирование новой политической культуры населения и новой социалистической личности, эта задача в КНР так и не была решена, хотя руководство страны умело использовало многие элементы традиционной политической культуры для упрочения своего господства. Например, те же патриархальные отношения в семье, подчинение младших старшим служили моделью политических отношений. Ценности патриархальности в видоизменённой форме были использованы в социалистическом Китае, когда на смену императору пришли руководители компартии, а на смену конфуцианству –

марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна. Они помогали легитимировать власть в глазах народа. Ту же роль сыграла идея конфуцианства о нравственном патерналистском начале верховной власти, которая обладает единственно верным учением, высшей добродетелью и неустанно, по-отечески заботится о благе простого человека.

На новый политический режим и его идеологию «работали» также коллективистские традиции конфуцианства, ибо основу коммунистической идеологии как раз и составляет идея коллективизма в противовес буржуазно-либеральному индивидуализму. Можно сказать, что коммунистическая идеология нашла в Китае с его конфуцианскими традициями очень благодатную почву. И тем не менее сформировать «нового человека» и создать царство справедливости не получилось.

Что касается политической культуры современного Китая, то, согласно исследованиям социологов, большинство китайцев по-прежнему разделяет традиционные конфуцианские ценности и строит своё социальное поведение в соответствии с ними. Более того, глобализация даже усилила национальные чувства китайцев, обострила их социокультурную идентичность. Отсюда некоторые исследователи делают вывод, что конфуцианские традиции противоречат модернизации Китая. Трактую политическую культуру конфуцианско-буддийской цивилизации как этатистскую, они подчёркивают, что либерально-демократические ценности по определению чужды китайской культуре, что они противоречат принципу индивидуализма, что конфуцианское требование социальной справедливости как принцип морали несовместим с принципом конкуренции, что нравственные ценности в конфуцианстве ставятся выше материальной заинтересованности и т.д. В этой связи В.В. Анохина пишет: «Если обратиться к культурно-мировоззренческим истокам подобных приоритетов, то станет очевидным, что отсутствие индивидуалистических ориентаций в традиционной китайской культуре, безусловный примат целого над частью, государства над индивидом, а также другие ценностные установки китайской традиции не способствуют формированию в национальном менталитете принципа уважения личности, её прав и свобод. Более того, древняя даосистская традиция, тесно переплетавшаяся в истории китайской культуры с буддизмом, вообще полагает личностное начало в человеке источником всех бед и заблуждений, препятствующих естественному ритму космического Дао. Поэтому в китайской ментальности нет установки на признание блага человека, неотчуждаемости его права на жизнь, свободу и социальное благополучие решающим критерием оценки общества и всех его социальных институтов. Подобная система ценностей, являющаяся безусловным достоянием европейской цивилизации, не может служить адекватным мерилom оценки китайского понимания качества жизни» [5, с. 56].

С одной стороны, это вроде бы действительно так. С другой – нельзя отрицать, что современный Китай, Япония, Южная Корея демонстрируют особенности конфуцианско-буддийской политической культуры в условиях высокого динамизма современного общества. Нынешние масштабные реформы в Китае, экономическая и политическая модернизация проводятся централизованно, полностью контролируются властями, и рыночная экономика успешно развивается под контролем государства. Все это даёт основание полагать, что в современной политической культуре тихоокеанских стран этатизм пришёл к творческому соединению с рыночными отношениями. И политическую культуру конфуцианско-буддийской цивилизации можно интерпретировать как этатистскую. Она характеризуется высокой внутренней гомогенностью, ибо складывалась в условиях значительной этнокультурной однородности населения, что помогает поддерживать высокий уровень национальной самоидентификации, национального самосознания, внутриэтнической солидарности.

Вместе с тем, вопреки широко распространённому мнению, эта культура внутренне не замкнута и не этноцентрична. Она вполне способна гибко воспринимать инокультурные ценности, но не механически перенося на свою национальную почву, а «переваривая», приспособляя их к своему национальному бытию. Ведь ни для кого не секрет, что модернизация в Китае сопровождается активным проникновением в страну иностранного капитала, расширением коммуникационно-информационного обмена, распространением западных стереотипов восприятия и оценки действительности. Кроме того, граждане Китая имеют возможность с помощью многочисленных СМИ, Интернета, путешествий и контактов с иностранцами получать огромное количество информации, в том числе и критической, по отношению к действующей власти. Однако от этого китайская культура не размывается, не становится менее «китайской». В определённом смысле синтез западных ценностей и конфуцианско-буддийской традиции во многом определяет сущность современного этапа политико-культурного развития не только Китая, но всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

Отсюда важнейшей характеристикой политической культуры конфуцианско-буддийского типа следует считать гибкость способность к реинтерпретации традиционных ценностей в духе современности, к перманентному самообновлению, к творческому восприятию и адаптации инокультурных влияний с опорой на национальную традицию. Именно здесь в значительной степени скрыта разгадка «тихоокеанского чуда» – гигантского рывка «азиатских драконов», да и самого Китая, практически во всех сферах жизни.

Многие особенности традиционной политической культуры не только не препятствуют обновлению современного Китая, но, напротив, способствуют его модернизации и демократизации. Взять хотя бы такие особенности конфуцианской традиции, как прагматизм, энергичное и деятельное отношение к жизни, чувства долга, социальной ответственности, трудолюбие. Конфуцианская этика подчёркивает, что добродетельный человек должен постоянно содействовать прогрессу и что ценность жизни заключается в активном созидании. Трудовая деятельность и поведение человека должны отвечать определённым стандартам, исключая всякую неорганизованность и спонтанные проявления как в период мирного и благополучного развития страны, так и во времена трудностей и потрясений.

Конфуцианская этика настаивает не на правах человека, а на чувстве ответственности: делает упор на единство общества, на поиски приемлемого для каждого индивида места в социуме. Подобная поведенческая модель предполагает самосовершенствование человека и одновременно его добровольное самоограничение и в духовном, и психологическом смысле. Единство общественного мнения достигается здесь не путём навязывания идеологических стереотипов, а путём длительных, постепенных согласований позиций, что предполагает развитие в обществе духа сотрудничества. Кроме того, упор на моральные ценности, деятельность и саморегуляцию способствует развитию духа патриотизма китайского народа. Ныне традиционное чувство китайского коллективизма, групповой фамильной ориентации наполняется новым содержанием. Если раньше приходилось жертвовать личными интересами ради общего блага, то после 1978 г. упор стал делаться на материальное стимулирование, рост благосостояния, подготовку к жизни в условиях жёсткой рыночной конкуренции. Политическая культура групповой ориентации, неиндивидуалистическое сознание, основанное на компромиссе, может быть, более гармонично формирует отношения в гражданском обществе, нежели «беспощадный» индивидуализм западной культуры. Принцип позитивного отношения к другим – «жэнь» (дословно «относиться к другим с любящим сердцем») – способствует созданию положительного микроклимата в китайских социальных группах.

Помимо всего сказанного следует иметь в виду, что традиционные ценности политической культуры не остаются неизменными. Как уже отмечалось, реинтерпретируясь, они наполняются новым содержанием и поэтому не могут быть препятствием для модернизации и демократизации китайского общества. В этой связи Фрэнсис Фукуяма подчёркивал, что существует несколько заблуждений относительно связей между политической культурой и демократией. «Культуры, – пишет он, – не статическое явление, подобное законам природы; они создание людей и находятся в процессе постоянной эволюции. На них может влиять экономическое развитие, войны и другие национальные потрясения, иммиграция или сознательные действия. Следовательно, к культурным «предусловиям» для демократии, хотя они определённы важны, надлежит относиться с некоторым скептицизмом» [8, с. 337].

Так что политическая культура современного Китая, как и любого другого общества, не является застывшей; она эволюционирует, развивается, в чём-то модифицируется. Вместе с тем в ней остаётся немало элементов морально-этических ценностей конфуцианства, вера в силу социального действия «благородного мужа» как неотъемлемый фактор функционирования и самого общества и системы управления [9, с. 157]. Идея нравственного совершенствования, культ предков и традиций, гармонии человека и окружающего мира – все эти ценности сближают Китай с другими странами тихоокеанского бассейна, создают ему более привлекательный имидж в современном мире. Давно замечено, что культуры, основанные на синтезе нескольких духовно-религиозных традиций, выделяются особенно сильной энергетикой, дают особенно мощные мотивации в политике. Разнородные начала, никогда полностью не сливаясь, усиливают и стимулируют совместное развитие.

Подводя итог изложенному, следует подчеркнуть, что, будучи официальной идеологией имперского Китая, конфуцианство оказало большое влияние на формирование политической культуры китайского народа. Вплоть до XX в. конфуцианство культивировалось главным образом в рамках института «большой семьи». Политическую культуру этого типа можно назвать культурой консенсуса и долга. Затем остатки конфуцианства в мышлении китайцев стали предпосылкой для возникновения современной политической культуры переходного типа.

Политическая культура современного Китая довольно быстро меняется, стремясь соответствовать тем динамичным процессам, которые происходят в глобализирующемся мире. В ней наметилась тенденция к становлению черт индивидуализма. Появляются предпосылки для возникновения этического учения, сочетающего в себе ценности конфуцианства и предпринимательства, что может стать идеологической базой для процесса модернизации. Как отмечают исследователи, «Китай в условиях глобализации стремится определить собственные векторы социальной динамики, опираясь не только на объективные социально-экономические предпосылки модернизации, но также на специфически китайское прочтение постиндустриальной системы ценностей, основанное на избирательно-селективном механизме культурной традиции, по-прежнему определяющей важнейшие особенности национального менталитета» [5, с. 57].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попов, А.П. Политические системы и политические режимы в Китае XX века / А.П. Попов. – М. : Изд-во «Экзамен», 2007. – 287 с.
2. Чжао, Мэн. Политическая наука и реформа политической системы КНР / Мэн Чжао // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – № 3. – С. 72–77.
3. Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические приоритеты : науч.-метод. комплекс / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М. : Аспект Пресс, 2011. – 685 с.
4. Бурмистров, П. Когда Китай станет многопартийным / П. Бурмистров, И. Плескачевская // Русский репортёр. – 2009. – № 42. – С. 52–53.
5. Анохина, В.В. Культурные традиции и парадоксы модернизации современного Китая / В.В. Анохина // Веснік БДУ. Сер. 3. – 2009. – № 1. – С. 48–58.
6. Пожидаева, А. Разные лица китайцев / А. Пожидаева // Гермес. – 2009. – № 6. – С. 75–77.
7. Беседы и суждения Конфуция. – СПб. : ООО «Издательство «Кристалл», 2001. – 1120 с.
8. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ МОСКВА : Полиграфиздат, 2010. – 588 с.
9. Переломов, Л.С. Раннее конфуцианство и легизм в политической культуре современного Китая / Л.С. Переломов // Китайская философия и современная цивилизация : сб. статей. – М. : Восточная литература, 1997. – 190 с.